

альная база — небольшое число чиновников, получивших сравнительно современное образование. Эти государственные деятели встречали также сопротивление в государственном аппарате. Кроме того, европейские державы, настаивавшие на проведении преобразований в Османской империи, оказывали нажим на султанское правительство всякий раз, когда меры, предлагавшиеся Аали-пашой и Фуадом-пашой, могли затронуть интересы этих государств. По этим причинам реформы не всегда удавались, однако работа, проделанная Аали-пашой и Фуадом-пашой, послужила основой для дальнейших преобразований в Османской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.
2. Дулина Н.А. Реформы танзимата и шариат // Ислам в истории народов Востока. Сб. ст. М., 1981.
3. Новичев А.Д. История Турции. Новое время (1853-1875). Т. 4. Ч. 3. Л., 1978.
4. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.
5. Новичев А.Д. История Турции. Новое время (1839-1853). Т. 3. Ч. 2. Л., 1973.
6. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. К вопросу о движущих силах реформаторского и конституционного движения в Османской империи // Тюркологический сборник 1979. М., 1985.
7. Хатт-и-хумаюн от 18.02.1856 г. // Хрестоматия по новой истории. Т. 2. М., 1965.
8. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм) XIX — начало XX в. М., 1985.
9. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1990.
10. Сафрастян Р.А. Отражение доктрины османизма в законодательных актах Порты (50-60-е годы XIX в.) // Турция: история и современность. Сб. статей. М., 1988.
11. Фадеева И.Л. Основные черты программы османских реформаторов 50-60-х годов XIX в. Аали-паши и Фуада-паши // Народы Азии и Африки. 1978. № 4.

Анастасия Геннадьевна БЫКОВА —
 доцент кафедры теории
 и истории государства и права
 Омского юридического института,
 докторант Омского государственного
 педагогического университета,
 кандидат исторических наук
 anastasyigen@rambler.ru

УДК 821.161.1.09

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ АЛКОГОЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются публицистические произведения второй половины XIX — начала XX в., раскрывающие содержание алкогольной проблемы.

Summary. This article is about of public literature second half XIX — beginning XX century contents alcohols problem.

Ключевые слова. Алкогольный вопрос, интеллигенция, публицистика дореволюционной России.

Key words. Alcohol question, the intelligentsia, sociopolitical journalism of pre-revolutionary Russia.

Публицистические произведения всегда были посвящены актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Реализм русской художественной культуры середины XIX в. приобрел характер учительства и сострадательности. Одним из открытий писателей «натуральной школы» был «маленький человек» с его нелегкой житейской судьбой. Художественная литература как одна из форм общественного сознания частично заменяла открытые публицистические выступления. Ее социально действенный характер, влияние на «понятие и нравы общества» отмечали многие современники. Литература не только обличала общественное зло, но и стремилась найти пути борьбы с ним.

Подлинной вершиной творчества Н.А. Некрасова, реализацией замысла эпопеи русской жизни явилась поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1863-1877). «Пьянство» и «пьяные» в некрасовской поэме представлены во множестве вариантов, — но во всех абсолютно лишены какого бы то ни было романтического ореола. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» переполнена пьянством: пьянство составляет главный «бытовой» мотив поступков почти всех ее персонажей. Повествователь в поэме почему-то очень равнодушен к «мере хмеля», к количеству выпитого.

Подсчет выпитых напитков характерен не только для Некрасова. Например, в стихотворении М. Михайлова «Пирушка» на общей попойке «выпили пива две бочки»; Ф. Нефедов, описывая нравы фабричных девушек, пишет: «Наливай вина осьмушку, / Набирайся его духу... / Мы ударим Сашу в ухо, / Целовальника побьем, / Домой пьяные пойдем»; «Люблю вино. Но как люблю? / Как сладкий мед, как скромный танец. / Пью рюмку в день — и не терплю / Косматых нигилисток-пьяниц!» — пишет «Цензор» в трагедии «Из былых времен» [1].

При этом Некрасов вовсе не говорит о «спаивании» русского народа, хотя в некрасовское время призывы против спаивания народа были довольно часты. Так, в знаменитой балладе А.К. Толстого «Богатырь» (1859):

«Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жида богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ...» [2].

В этой балладе Алексей Толстой приводил целую серию поэтических примеров губительного действия «пенника» на людей. Вот трагедия отставного солдата, который по пьянке без видимой причины разодрался с родными («Солдат их ружейным прикладом, / А братья его топором»). А мужики, работавшие в поле, пошли в разбойники («Готовят себе кистени...»). Художник, который «Божию мать писал», — спился и не смог закончить картину. Та же судьба постигла талантливого ученого, вытерпевшего «и голод и холод», но не сумевшего противостоять «сивухе».

В поэме Некрасова толстовские «пагубные» примеры пьянства стоят перед глазами помещика — русский крестьянин отнюдь не оценивает эти примеры как «пагубу» или предвестие краха страны. Более того, описывая «пьяную ночь» и повальный хмельной угар всего большого села, Некрасов даже как будто внутренне любит этот пьянством и своими нетрезвыми героями.

С подобным же неожиданным мотивом «не аморального» пьянства мы встречаемся в поэме И.С. Аксакова «Бродяга». «Отчего выбрал я бродягу предметом

поэмы?... Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным; оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни; оттого, что бродяга, гуляя по всей России, как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах» [3].

Образ кабака у Аксакова полифоничен: точка зрения на происходящее в нем постоянно меняется. Кабак предстает то в восприятии случайного посетителя, то завсегдатая, то «сидельца» Фомы, который наживается на новых гостях. Своеобразным рефреном этого описания стал лозунг: «Да, шумно и пьяно, — Кабак без изъяна!». В кабаке «тьма тьмущая» всякого пьющего народу: «подгородные крестьяне», «цыгане ль, мещане ль проезжие», «да невесть что и за люди», «посетитель обычный, в лохмотьях, в лаптях, мещанин горемычный» [4].

Представляя страшную картину повального пьянства, Аксаков, в отличие от Алексея Толстого, никого не упрекает и не читает моралей: перед ним очевидный и известный жизненный факт, который требует, прежде всего, объяснения. А какое-то «общее для всех» объяснение найти довольно сложно: очень уж различны «моментально» набросанные судьбы кабацких завсегдатаев, очень непохожи пути, приведшие их на эту непохвальную стезю.

Пьянство стало одной из характеристик жителей Растеряевой улицы Глеба Ивановича Успенского (1843-1902). Растеряевщина — это пьянство, такое страшное, что ради шкалика водки мастеровой люд пропивает все с себя, а по понедельникам, чтобы опохмелиться, тащит из дома последние пожитки, унижается перед кабатчиком и, трясясь, словно от мороза, вопит: «Маленькую! отец!». Это пьянство от тоски и отчаяния, от невозможности в голодной семье найти хотя бы крупицу радости, это болезнь без исцеления, потому что «под силу трезвому человеку перейти то море нужд, которое тянется и тянулось без конца?». Растеряевщина — это совершенная неспособность найти выход из обступивших бед, бессмыслица в разговорах и поступках, это «полоумство» и «перекабыльство» (от слова «кабы»: «кабы то-то, да кабы другое»), это незащитность перед силой, словом, такая почва, на которой неизбежно должно расцвести хищничество. «Перекабыльство и полоумство <...> (питье водки на спор, битие жены безо время), что все это порождено слишком долгим горем, все покорившим косушке, которая и царила надо всем, заняв по крайней мере три доли в каждом действии, поступке и без того отуманенного рассудка».

Оно ярче всего воплощено в образе Прохора Порфирыча, главного героя очерков. По мнению Порфирыча, самое выгодное занятие — кабак — «лучше житья нету». «В качестве умного человека, он устроит кабак около какой-нибудь большой фабрики, будет давать рабочим в долг, под условием получать деньги из рук хозяина, который согласится на устройство кабака около фабрики, потому что Порфирыч предложит ему «профит», то есть вместо, например, пяти рублей будет брать только четыре, а за рабочим запишется все-таки пять. В воображении Прохора Порфирыча кабак этот рисовался какою-то разверстою пастью, которая не переставая будет глотать черные фигуры мастеровых» [5].

В литературе второй половины XIX в. кабак «оказывался, едва ли не самым оживленным местом во всем городке». В нем всегда светло, шумно. И днем и ночью он «не спит». Именно таким является базарный кабак «Свидание друзей» в рассказе «Повар Вертлюгов и «мушной» трактир» [6] Владислава Маркова. В кабаке всегда можно встретить «кабацкого завсегдатя, который, как персидский шах, по восточному обычаю» [7] угостит «чудодейницей» [8]. В нем свои законы и традиции. «Енда сядешь во пиру, то первую чашу вступишь в жажду, другую в сладость, третью во здравие, четвертую в веселие, пятую в пьянство,

шестую в бесовство, а последнюю в гордую смерть». В каждом из них был свой «кабацкий староста». «Ему не подносили радушного стаканчика», «он отличался лукавством и бездушием. Опить человека до рубашки, совратить в пьянство новичка, «хоронить» человека по дальним кабакам от жены или от старших родных, пока у него еще деньжонки шевелятся, он был дока» [9].

Фактическим хозяином и «душой» такого заведения являлся целовальник. «Николай Иваныч — некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками, — уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Николай Иваныч человек расторопный и сметливый, как большая часть целовальников. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, он обладает даром привлекать и удерживать у себя гостей, которым как-то весело сидеть перед его стойкой, под спокойным и приветливым, хотя зорким взглядом флегматического хозяина» [10].

Найти местный кабак не трудно, он всегда выделяется среди убогих домишек. На фоне убогой архитектуры Растеряевой улицы только новый кабак «красуется». «Около крыльца воткнул в землю длинный шест, к концу которого привязана пустая бутылка». В нем и около него всегда народу «видимо-невидимо». «Любили они муху зашибить. Бывало, мимо кабака проехать нет возможности: зайдут, выпьют стаканчик...» [11].

Кабак для жителей Растеряевой улицы является неким микрокосмом, в котором концентрируется вся жизнь. «Продолжительный опыт доказал, что, помимо кабака, помимо проклятий собственной жизни, — в растеряевских нравах нет ничего более существенного. Чем делиться растеряевцу с своей семьей, которая, в большинстве случаев, тоже дает нравоучение в форме беспрерывных попреков? В этой ли голодной и холодной семье найти хоть какую-нибудь дозу удовольствия, лихорадочно необходимого после долгих трудов? Но главное, под силу ли трезвому человеку перейти то море нужд, которое тянется и тянулось без конца?.. Насущный и ежеминутный вопрос растеряевской жизни — нужда. Под ее влиянием наши удовольствия, радости, словом — вся физиономия жизни». «Нам трактир дороже всего» — провозглашает Аркашка Счастливец в пьесе А.Н. Островского «Лес» [12].

Действительно, для многих россиян XIX — начала XX вв. трактир был «первой вещью» — местом встречи друзей и соседей, биржей для коммерсантов, пристанищем путников и просто одиноких людей, притоном, клубом, читальней и местом отдыха для всякого люда — от миллионера до босняка. При этом даже в столицах старой России трактир вовсе не являлся заведением непременно для простонародья.

Современники делили обычные трактирные заведения на «серые» и «грязные». «Самым несимпатичным и зловредным следует бесспорно считать «серый» трактир, — полагал петербургский бытописатель рубежа XIX-XX вв. Н.Н. Животов, — предназначенный для публики средней, между чернорабочими и достаточными людьми, таковы мелкие служащие, торговцы, разносчики, приказчики, писцы, канцеляристы, артельщики и т. п. люд. Это... вертепы, служащие для спаивания посетителей и рассчитанные только на одно пьянство, разгул и разврат... Серая публика невзыскательна, неразборчива, безответна, неумеренна, невоздержанна, и, «разойдись», истратит все, что есть в кармане... К «грязным» относятся трактиры для чернорабочих, извозчицы, постоянные двory, чайные, закусовые, народные столовые и кабаки. Все помещения таких трактиров состоят из 2-3 низких, тесных комнат с промозглым, вонючим запахом: сюда

набирается народу «сколько влезет», так что повернуться негде; мебель состоит из простых скамеек и столов, посуда деревянная, никогда не моющаяся...» [13].

Характеристика такого «грязного» трактира представлена в рассказе В.А. Гиляровского «Каторга». «Есть такие трущобы, от одного воздуха и обстановки которых люди, посещавшие их, падали в обморок. Один из них назван «Пересыльный», как намек на пересыльную тюрьму, другой «Сибирь», третий «Каторга». «Пересыльный» почище, и публика в нем поприличнее, «Сибирь» грязнее и посещается нищими и мелкими воришками, а «Каторга» нечто еще более ужасное... Неясные фигуры, брань, лихие песни, звуки гармоники и кларнета, бурление пьяных, стук стеклянной посуды, крики о помощи... Все это смешивалось в общий хаос, каждый звук раздавался сам по себе, и ни на одном из них нельзя было остановить своего внимания...» [14].

Писатели-публицисты обращали внимание на последствия чрезмерного употребления спиртных напитков. Героиня «Очерков обозной жизни» Ф.М. Решетникова Агния Потаповна Подосенова считала, что водка нивелирует волю человека. Ее муж был «горький пьяница». «На ту пору набор заслышали. Вот кабачник-то и не выпускает его из кабака: пей, говорит, ты мне нужен, одну бумагу нужно заключить... Ну, а потом и подсунил ему условие подписать! согласен-де в рекруты за его сына идти и взял вперед денег, в разное время, полтора ста рублей... Шутка сказать!.. Ну, и поит, и поит, а потом и увез в город, а потом и в рекрутское...».

В произведениях известного русского писателя, первого бытописателя сибирской деревни Николая Ивановича Наумова бесшабашное пьянство приисковских рабочих рисуется исключительно как доказательство богатой и широкой природы русского человека. Пьяницы Наумова никогда не совершают никаких оскорбляющих чувство безобразий, а только швыряют пригоршнями кредитки, дают себя беспрекословно обирать всякому желающему, угощают всякого встречного и широко помогают бедным товарищам. «...Рабочий, вынесший благодарный заработок, купил бочку водки и, выкупавшись в ней посреди улицы, пригласил честной люд распить эту горячую ванну и как честной люд, не брезгливый по натуре своей, распил ее до дна, за здоровье выкупавшегося» [15].

Мужицкие «деяния», совершенные в пьяном виде, чаще всего устаиваются только лукавой усмешки повествователя: «Посадили мужика и сами не знают, за что. Был он выпивши, ваше благородие, ничего не помнил и даже отца по уху урезал, щеку себе напорол на сук спяна-то, а двое наших ребят — захотелось им, видишь, турецкого табаку — стали ему говорить, чтобы он с ними ночью в армяшкину лавку забрался, за табаком. Он спяна-то послушался, дурак. Сломали они это, знаешь, замок, забрались и давай чертить. Все разворочали, стекла побили, муку рассыпали. Пьяные — одно слово!» [16].

Пьяные дебоши «благородных» также неоднократно описывались в литературе. Так, в рассказе «Пьяницы» (1887 г.) А.П. Чехов наглядно изобразил «душевные страдания» фабриканта Фролова в ресторане: «Цыгане пели, свистали, плясали... В исступлении, которое иногда овладевает очень богатыми, избалованными «широкими натурами», Фролов стал дурить. Он велел подать цыганам ужин и шампанского, разбил матовый колпак у фонаря, швырял бутылками в картины и зеркала, и всё это, видимо, без всякого удовольствия, хмурясь и раздраженно прикрикивая, с презрением к людям, с выражением ненавистничества в глазах и в манерах. Он заставлял инженера петь solo, поил басов смесью вина, водки и масла...» [17].

Картины индивидуального страдания и общественной беды от излишнего употребления спиртных напитков живописались на страницах многих литературных произведений второй половины XIX — начала XX вв. Так, в повести «Рыжик» (1901 г.)

Алексея Ивановича Свирского (1865-1942) Рыжик приводит к себе на житье маленькую Дуню, поясняя матери: «Дядя пьян напился... Бьет ее... Она плачет...» [18]. Герой повести «Студенты» Артемий Карташев, почувствовав свободу студенческой городской жизни, начинает пить. Водка, пиво становятся необходимым элементом повседневного быта студенчества предреволюционной эпохи. Чрезмерное употребление алкогольных напитков приносят страдание его родным и, прежде всего, матери. «Издеваешься... над матерью, издеваешься над всеми святыми...» [19] — говорит ему родной дядя. «Пьяный человек на все способен», — говорил писарь в разговоре с Рязановым в повести «Трудное время» (1866 г.) Василия Алексеевича Слепцова. «Он и в ухо тебя ударит... — Ударит. Это как есть. — И подожжет. — Подожжет-с. Долго ли ему поджечь... — Это все от вина» [20].

Примеры пьяных «дебошей», народного горя можно продолжать. В литературных произведениях второй половины XIX — начала XX в. «пьяный» мотив дается как трагедия личности, как конкретное проявление трагедии обездоленной массы. И переживается она коллективно. Дикое поведение мужика, очумевшего от пьянства, воспринимается как обычное явление в этой ненормальной, античеловеческой жизни. Главное — это выживание человека в погибельных условиях, противостояние социальному злу. Уездный город ли, улица ли, — это Россия в миниатюре. Мастерство писателей-художников достигает предельной яркости и убедительности. Одна сцена народной жизни сменяет другую, а все они, вместе взятые, рисуют широкую картину повседневной жизни России второй половины XIX — начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дело. 1870. № 6. С. 216; Отечественные записки. 1868. Т. 180. С. 149; Т. 179. С. 322.
2. Толстой А.К. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Литература, 1998. Т. 1. С. 94.
3. Аксаков И.С. Письма к родным. 1849-1856. М.: Наука, 1994. Т. II. С. 162-163.
4. Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. С. 221, 216.
5. Успенский Г.И. Нравы Растряевой улицы. Тула: Приокское кн. изд-во, 1987. С. 14-15, 47, 152, 154.
6. Русский вестник. 1897. № 6. С. 265-286.
7. Демерт Н.А. Наши общественные дела // Отечественные записки. 1873. Т. 209. С. 289.
8. Русский вестник. 1897. № 6. С. 270.
9. Марков Владис. Глухие места и темные люди. Серия «Деревенские рассказы» // Русский вестник. 1897. № 2. С. 281-282.
10. Тургенев И.С. Записки охотника. М., 1984. С. 148.
11. Успенский Г.И. Указ раб. С. 151. Чехов А. П. Происшествие (Рассказ ямщика) / Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1984. Т. 6. С. 193.
12. Островский А.Н. Лес: комедия в пяти действиях // Островский А. Н. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960.
13. Живонов Н.Н. Петербургские профили. СПб., 1895. Вып. 4. С. 42-43.
14. Гиляровский В.А. Каторга // Гиляровский В. А. Соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 2. С. 75-76.
15. Наумов Н.И. Паутина. Рассказ из жизни приискового люда в Сибири (сцены) // Наумов Н.И. Паутина. Очерки. Рассказы. Кемерово: Кн. изд-во, 1988. С. 107-245; Он же. Как аукнется, так и откликнется // Там же. С. 97-106.
16. Чехов А.П. Темнота // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1984. Т. 6. С. 104.
17. Чехов А.П. Пьяные // Там же. С. 134.
18. Свирский А.И. Рыжик. Минск: Юнацтва, 1984.
19. Гарин-Михайловский Н.Г. Студенты. Инженеры. М.: Худ. лит., 1977.
20. Слепцов В.А. Избранное. М.: Детская литература, 1984.